

Мясницкий Иван Ильич

Замоскворецкие свахи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Замоскворецкие свахи / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
271 с.

ISBN 978-5-519-98469-0

ISBN 978-5-519-98469-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

возрасту, но прыгалъ не щадя ногъ и не пропуская ни одного танца.

Жилъ Иванъ Ивановичъ припѣваючи, безъ заботъ и печалей, на доходы съ наслѣдства, оставленнаго ему не то тетушкой, не то бабушкой, какою-то архаической купчихой, которую онъ видѣлъ два или три раза въ жизни, и проводилъ время такъ, какъ его проводить большинство холостяковъ-рантье: вставалъ въ одиннадцатомъ часу утра, умывался, благообразилъ у туалетнаго столика цѣлый часъ свою счастливую фizioномію, затѣмъ пилъ чай, читалъ газеты, при чемъ сообщалъ своей единственной прислугѣ кухаркѣ Марѣ разныя новости и происшествія и завтракалъ. Послѣ завтрака Иванъ Ивановичъ прогуливалъ себя немножко по Кузнецкому Мосту и разсматривалъ выставленныя въ магазинахъ новости по туалетной и иной части. Иногда заходилъ въ театръ и бралъ билетъ на представленіе, предварительно справившись у кассира, хорошо ли взятое имъ кресло и не дуется ли изъ коридора.

Прогулявшись какъ слѣдуетъ, Иванъ Ивановичъ приходилъ домой и въ ожиданіи обѣда насвистывалъ какой-нибудь модный вальсъ изъ оперетки. Послѣ обѣда

отдыхалъ часъ-другой, а затѣмъ уже отпра-
влялся или въ театръ или въ клубъ, гдѣ
плясалъ или винтилъ по сотой часовъ
до двухъ.

Характеръ у Ивана Ивановича былъ
мягкій, покладистый; вѣжливый со всѣми
до щепетильности, съ дамами былъ робокъ
и, въ силу этого обстоятельства, больше
мѣлѣлъ около нихъ, чѣмъ разговаривалъ
съ ними; въ танцахъ же отдѣлывался
краткостями, въ родѣ «да-съ», «нѣтъ-съ»,
«не думаю-съ», «вамъ начинать-съ» и
т. п. Вообще отъ прекраснаго пола онъ
не бѣгалъ, но разговаривать съ ними не
любилъ.

— Богъ знаетъ, что иногда сорвется съ
языка, — говорилъ онъ иногда кухаркѣ
Марѣѣ, единственному въ мірѣ чело^вѣку,
съ которымъ онъ говорилъ безъ всякой ро-
бости и опасенія, — засмѣются!

Вѣроятно, вслѣдствіе этой врожденной
робости Иванъ Ивановичъ и оставался
холостякомъ и остался бы, можетъ-быть,
имъ и до смерти, если бъ кухарка Марѣа,
служившая у него чуть ли не двадцать
лѣтъ, не стала за старостію проситься въ
богадѣльню.

Ивана Ивановича, привыкшаго къ разъ заведенному порядку въ жизни, рѣшеніе кухарки поразило, какъ громомъ.

— Какъ же это такъ, Марѳа, — растерянно гладилъ онъ лысину, — все жила — ничего и вдругъ — стара стала.

— Не вижу ничего, баринъ хорошій! Намедни въ капустѣ, что къ сосискамъ была, ты тряпку нашелъ... обидѣлся... а меня пуще тебя досада взяла, потому я носового платка лишилась, а онъ двугривенный стоитъ, не доглядѣла, да его съ капусткой-то и поджарила... Пора въ богадѣльню... мѣсто сичасъ выходить, такъ ты ужъ сдѣлай милость, не задерживай за мою услугу-то долголѣтнюю.

— Да какъ же, Марѳа, я одинъ-то останусь? — заговорилъ Иванъ Ивановичъ. — Побойся ты Бога, Марѳа!

— Другую возьми, рази мало куфарокъ. Да вотъ сичасъ отъ сосѣдняго жильца бабочка просится, хорошая, здоровая кухарка и ученая, всякій тебѣ совусь сдѣлаетъ на поварской манеръ и слойку чудесно знаетъ.

— Да что мнѣ слойка! Кто ее знаетъ, какая она? А я всю квартиру на тебя оста-

вляю спокойно, какъ же я на неизвѣстную бабу оставлю.

— Женись; коли такъ.

— Мнѣ жениться?

— А для чего же нѣтъ? Мужчина ты въ самой порѣ, да и прискучило, чай, одиночкой-то бѣгать, пристяжку возьми.

— Ошалѣла ты совсѣмъ! — замахалъ испуганно руками Иванъ Ивановичъ. — Столько лѣтъ жилъ холостякомъ и вдругъ жениться!

— Что жъ изъ этого? Судьбы, значитъ, не выходило и не женился... Аль боишься?

— Да не боюсь, а... какъ же это такъ?.. Все шло хорошо и вдругъ... такая, можно сказать, перемена... тутъ я и въ клубъ пойду и въ театръ...

— И женишься — тоже и въ клубы и кіатры пойдешь... Мѣсяць я у тебя проживу, а тамъ ужъ отпусти ты меня, сдѣлай милость... и ноги вотъ плохи стали, того и гляди грохнешься съ самоваромъ.

Иванъ Ивановичъ цѣлыхъ три дня послѣ этого разговора ходилъ какъ ошпаренный и положительно не зналъ, куда себя дѣвать... Мало-по-малу, однако, мысль о женитьбѣ, которую онъ тщательно отгонялъ

отъ себя, не стала уже казаться ему дикой и нелѣпой, и заставляла его иногда млѣть возлѣ какой - нибудь клубской дѣвицы гораздо дольше, чѣмъ допускало приличіе.

Клубскія дамы, впрочемъ, нравились ему мало, и ни одной изъ нихъ онъ никогда бы не рѣшился предложить руку и сердце.

«А жениться, какъ никакъ, нужно! — разсуждалъ онъ, лежа на диванѣ послѣ обѣда. — Если кухарку взять — разворуютъ все, да и самого еще уколошатъ... Много такихъ случаевъ бывало, волей - неволей приходится жениться, только выбрать жену надо обстоятельную... во - первыхъ, чтобы собой была недурна, во - вторыхъ, не дѣвчонка, въ - третьихъ, чтобъ меня покоила... а гдѣ такую найдешь? Разумѣется, есть и такія, но пойдѣ да найди... а гдѣ я буду искать и какъ?.. Ахъ, Марѳа, Марѳа... и догадала тебя нелегкая прежде времени слѣпнуть».

Долго думалъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы это такъ устроить, чтобъ сидѣть онъ, на примѣръ, въ своемъ кабинетѣ, и вдругъ является невѣста со всѣми достоинствами и говоритъ: «Иванъ Ивановичъ! Я ваша навѣки!»

Изъ думъ этихъ толку, конечно, никакого не выходило, но зато отъ нихъ похудѣлъ Иванъ Ивановичъ значительно и со вздохами перешивалъ сюртуки и жакетки.

Возможно, что Иванъ Ивановичъ продумалъ бы такимъ образомъ, лежа на диванѣ, нѣсколько лѣтъ кряду и не до чего бы не додумался, если бъ не Марѳа, которой думы «барина» неумоготу стали.

— А къ тебѣ, баринъ, завтрашняго числа сваха придетъ! — объявила она ему какъ-то утромъ, подавая самоваръ.

Иванъ Ивановичъ даже подскочилъ на стулѣ.

— Какъ сваха? Какая сваха?

— Хорошая сваха... невѣсть у ей изъ всякаго сословія въ небельную фуру не укладешь.

— Да какъ же такъ... и почему, наконецъ, сваха знаетъ, что я думаю жениться? Можетъ, я и не думаю вовсе.

— А мнѣ твои думы поперекъ горла стали... два мѣсяца ты на диванѣ насчетъ браку думаешь и никакъ обсоюзить себя не можешь... Да ты не бойся, чудесная сваха, безъ обману, я ее сколько годовъ

знаю... она, можетъ, лѣтъ шестнадцать ко мнѣ пристаешь, что бѣ тебя женить.

— Ну?

— Ну, и что жъ я тебя безъ судьбы тревожить-то стала бы? Теперича пришла судьба, я ее и позвала.

— Подумать, Марѳа, надо.

— Да чего думать-то? Все одно безъ свахи ни до какого рожна не додумаешься... Не мучь ты меня, сдѣлай милость, развяжи мои руки!

— Какая ты глупая, Марѳа, ей Богу! Какъ же такъ это... черезъ сваху? Да она Богъ знаетъ кого мнѣ на шею навяжетъ.

— Говорю, сваха съ совѣстью, опять же у тебя свои глаза есть: смотри что берешь.

— Гляди, что берешь! Легко сказать! Вообще ты по-своему, по-женски, объ этомъ судишь; такъ, Марѳа, нельзя,—вѣдь это не кухарку нанять. И кухарку-то я боюсь взять, а ты такъ легко объ этомъ.

— Господи! Впервой отродясь такую мужчину вижу! Въ гробъ ты меня уложишь! Вчера каша перепрѣла, а почему перепрѣла? Памяти у меня нѣту. Отпусти ты меня, пожалуйста, а то я, того гляди, тебя либо не докормлю, либо перекормлю.

— А она какая?

— Сваха-то? Омнаковенно какія свахи бываютъ, ужли не видалъ?

— Не видалъ. Онѣ въ клубахъ танцуютъ?

— Захотѣлъ тоже! На свадьбахъ онѣ пляшутъ, а въ клубахъ какого имъ рожна дѣлать?.. Хорошая, настоящая сваха и умственная къ тому жъ, ты ужъ не опасайся, зря лекемендовать не стану.

— А какъ ее зовутъ?

— Немила Прохоровна.

— Гмъ... вообще страшно какъ-то... мнѣ даже и въ голову, Марѳа, не приходило, а во-вторыхъ, знаетъ ли она, какую мнѣ жену нужно? Вотъ вопросъ, Марѳа!

— Да чего тутъ знать-то, вещь не ахти мудрая, хочешь барышню, хочешь вдову — дѣло твое, что твоей душенькѣ требуется, то Немила Прохоровна и представитъ.

Иванъ Ивановичъ прошелся по столовой, пристально посмотрѣлъ на Марѳу и молча сталъ заваривать чай.

II.

Цѣлый день онъ находился въ ажитаціи. Не то чтобы онъ не довѣрялъ словамъ Марѣ относительно благонадежности свахи, но ему казалось почему-то, что сваха, по своему женскому легкомыслію, непременно навяжетъ ему на шею не то, что требуется такому солидному жениху, какъ Иванъ Ивановичъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свою робость и, не очень дорожа свободой, боялся только одного, чтобъ будущая жена, навязанная свахой, не разстроила правильнаго теченія его безобидно-однообразной жизни. Къ обѣду онъ, впрочемъ, успокоился настолько, насколько можетъ успокоиться человѣкъ, котораго сперва приговорили къ повѣшенію, а, затѣмъ помиловали, приговоривъ къ вѣчной каторгѣ.

Послѣ обѣда Иванъ Ивановичъ цѣлый вечеръ бродилъ по комнатамъ и чуть не въ сотый разъ справлялся у Марѣы, изъ какого сословія сваха: изъ дворянъ или изъ мѣщанъ? Говорить ли по-французски; какъ пьеть чай: вприкуску или внакладку, и какъ изъ себя выглядить: бон-тонно или моветонно? Для чего нужны были эти свѣдѣнія Ивану Ивановичу, онъ и самъ не зналъ. Просто ощущалась потребность поговорить о томъ, что по его мнѣнію, казалось выходящимъ вонъ изъ колеи его холостецкой жизни.

Марѣа къ вечеру отъ такихъ разспросовъ даже слегла, а Иванъ Ивановичъ, раздѣвшись, улегся въ свою пружинную постель и, уничтожая папиросу за папиросой, часовъ до двѣнадцати придумывалъ завтрашній разговоръ со свахой и мечталъ о будущей женѣ.

— Мнѣ кажется, — говорилъ онъ про себя, — что лучше всего мнѣ жениться на блондинкѣ, а, впрочемъ, если у свахи есть въ запасѣ обстоятельная брюнетка, то можно и на брюнеткѣ, непременно на брюнеткѣ, потому эти блондинки и коварны и измѣнчивы, — рѣшилъ онъ, вспомнивъ прочитанное гдѣ-то и чье-то мнѣніе о блон-